

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА****SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL**

DOI: 10.25629/НС.2026.05.01

УДК: 94(253)"1802/1864"

ВАК: 5.6.1. Отечественная история

Валькова Ксения Викторовна, кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, AuthorID: 912816, ORCID: 0000-0003-0301-294X

Саблина Екатерина Сергеевна, Алтайский государственный университет, AuthorID: 1318005, ORCID: 0009-0002-1316-8825,

Valkova K.V., candidate of historical sciences, Altai State University, AuthorID: 912816, ORCID: 0000-0003-0301-294X

Sablina E.S., Altai State University, AuthorID: 1318005, ORCID: 0009-0002-1316-8825

✉ valkovakv@vk.com; esablina04@mail.ru**Формирование исторических представлений у детей в городах Сибири в 1802–1864 годах****Аннотация**

Статья посвящена формированию исторических представлений у детей в городах Сибири в 1802–1864 гг. Цель исследования состоит в выявлении основных каналов усвоения детьми образов прошлого и определении особенностей их взаимодействия в условиях сибирского города указанного периода. Актуальность темы обусловлена тем, что, несмотря на наличие работ по истории детства, книжной культуры, просвещения и школьного исторического образования, специального исследования, посвященного историческим представлениям детей в городской среде Сибири, до настоящего времени не предпринималось. Источниковую базу исследования составили источники личного происхождения, детская периодика и учебная литература по истории, а историографическую основу – исследования по истории просвещения и преподавания истории. Методологически исследование опирается на социокультурный и историко-антропологический подходы, позволяющие рассматривать исторические представления как часть процесса социализации ребенка. Установлено, что в рассматриваемый период формирование исторических представлений детей осуществлялось в рамках нескольких взаимосвязанных каналов: семейно-бытового, школьного, домашне-образовательного и книжного. Семейные предания, рассказы старших, локальные памятные сюжеты и символические фигуры региональной истории обеспечивали передачу эмоционально насыщенных, но фрагментарных и нередко мифологизированных образов прошлого. Развитие школьного и домашнего образования, расширение круга чтения и распространение учебной литературы создавали условия для усвоения более системных исторических знаний, однако этот процесс ограничивался неполнотой учебных курсов, преобладанием механического заучивания, перегруженностью учебников и нехваткой педагогических и наглядных средств. Показано, что семейно-бытовой канал оставался

первичным, тогда как школьное и книжное знание наслаивалось на уже сложившиеся представления о прошлом. Сделан вывод о сочетании в детском восприятии прошлого традиционной памяти и элементов учебного исторического знания.

Ключевые слова

исторические представления, дети, Сибирь, городская культура, семейная социализация, историческая память, школьное образование, домашнее образование, детское чтение

The Formation of Historical Perceptions among Children in Siberian Cities, 1802–1864

Abstract

The article examines the formation of historical perceptions among children in Siberian cities between 1802 and 1864. The aim of the study is to identify the main channels through which children assimilated images of the past and to determine the specific features of their interaction in the urban environment of Siberia during the period under review. The relevance of the topic stems from the fact that, despite the existence of studies on the history of childhood, book culture, education, and school history instruction, no special research has yet been undertaken on children's historical perceptions in the urban environment of Siberia. The source base of the study includes ego-documents, children's periodicals, and educational literature on history, while its historiographical foundation consists of works on the history of education and the teaching of history. Methodologically, the study is based on sociocultural and historical-anthropological approaches, which make it possible to consider historical perceptions as part of the process of a child's socialization. It has been established that during the period in question the formation of children's historical perceptions took place through several interrelated channels: family and everyday life, school, home education, and book culture. Family traditions, elders' narratives, local commemorative plots, and symbolic figures of regional history ensured the transmission of emotionally charged, yet fragmentary and often mythologized, images of the past. The development of school and home education, the expansion of reading practices, and the spread of educational literature created conditions for the assimilation of more systematic historical knowledge. However, this process was constrained by the incompleteness of school curricula, the predominance of rote memorization, the overload of textbooks, and the lack of pedagogical and visual aids. It is shown that the family and everyday-life channel remained primary, whereas school- and book-based knowledge was superimposed on already formed notions of the past. The article concludes that children's perception of the past combined elements of traditional memory with components of formal historical knowledge.

Keywords

historical perceptions, children, Siberia, urban culture, family socialization, historical memory, school education, home education, children's reading

Введение

Исторические представления как элемент мировоззрения играют важную роль в формировании самосознания и самоидентификации личности. Наличие в картине мира человека образов прошлого собственной семьи в сочетании с представлениями об отечественной и всеобщей истории позволяет ему осмыслить свое место в мире, сформировать отношение к окружающей действительности, что, в свою очередь, влияет на социальную активность личности. Изучение особенностей и условий формирования исторических представлений населения Российской империи представляет значительный научный интерес. Особую важность имеет обращение к вопросам формирования представлений об истории у подрастающего поколения, поскольку это позволяет выявить, под влиянием каких факторов образы прошлого возникали и закреплялись в сознании людей с раннего детства.

С точки зрения территориальных границ исследования особый интерес представляет обширный сибирский регион. Считается, что в первой половине XIX в. Сибирь являлась средоточием «исконно русских» традиций [1, с. 68], сохранявшихся потомками людей, переселившихся в регион в XVII–XVIII вв. Опыт переселения на отдаленные территории и стремление к сохранению привычных социокультурных практик в изменившихся условиях, безусловно, должны были отразиться на содержании исторических представлений сибиряков. Эти базовые представления, в свою очередь, поддерживали ощущение населением дистанцированности региона от центра империи не только в физическом, но и в социальном отношении, что не могло не влиять на новые модели восприятия истории во внеучном контексте. Более того, отдаленность Сибири от центра замедляла распространение научных и образовательных новшеств, а также способствовала формированию в регионе особых практик и локальных центров, что делает изучение данной проблемы особенно актуальным.

Анализ формирования исторических представлений у детей в городах Сибири проведен применительно к 1802–1864 гг. по ряду причин. Прежде всего, это период активизации реформ системы народного просвещения: государство и представители разных социальных слоев постепенно все в большей степени осознают ценность светского образования и стремятся к его развитию. С появлением в Сибири новых учреждений начального и среднего образования меняются условия формирования исторических представлений у детей: если раньше знания о прошлом приобретались преимущественно на бытовом уровне, то в XIX в. постепенно усиливается роль научных исторических представлений среди широких слоев городского населения. В то же время сама методика обучения истории в этот период еще не была разработана: первые исследования в этой области появляются в 1860-е гг. Следовательно, источники по рассматриваемому периоду позволяют определить особенности становления практики преподавания истории на периферии империи в условиях отсутствия теоретических разработок. Говоря о внеучных исторических представлениях, можно отметить, что в это время они передавались детям в форме, наиболее характерной для сибирских старожилов. После 1860-х гг. изменяются масштабы переселений в Сибирь, что могло привести к появлению новых и трансформации привычных для местного населения образов прошлого. Совокупность научных и внеучных исторических представлений, а также всех перечисленных факторов усиливалась ростом интереса к истории, который в первой половине XIX в. «всколыхнулся в России с необыкновенной силой после мощного национального подъема, вызванного наполеоновскими войнами и особенно Отечественной войной 1812 года» [2, с. 5].

В отечественной историографии отдельные аспекты заявленной темы уже получили освещение, однако специального исследования, посвященного формированию исторических представлений у детей в городах Сибири первой половины XIX в., до настоящего времени не предпринималось. Наиболее значимой и интересной для нас представляется диссертационная работа С.Р. Хмыровой [1], посвященная изучению более широкого феномена – исторического сознания русского населения Сибири во второй четверти XVIII – конце XIX вв. Автор комплексно исследует внеучные представления сибиряков о прошлом, делая значимые выводы

об особенностях их складывания и бытования. Изучая народные представления и традиционные практики их межпоколенческой передачи, автор вполне обоснованно не обращается к особенностям усвоения исторических представлений детьми. Именно в этом и состоит один из ключевых исследовательских пробелов, заполняемых в настоящей статье: механизмы передачи образов прошлого в детской среде до настоящего времени специально не рассматривались. Сведения о каналах получения детьми представлений о прошлом частично содержатся в работах по истории книжной культуры [3].

Исследования по истории системы просвещения в городах Сибири XIX в. содержат сведения об организации исторического образования в школе. Особый интерес представляют работы дореволюционного периода, основанные отчасти на несохранившихся источниках [4; 5]. Важны также труды современных ученых, которые позволяют составить более полную картину развития школьного образования в империи и регионе [6; 7]. Важные сведения об особенностях преподавания истории встречаются также в исследованиях советских и современных авторов по истории развития общественного движения и сибирской ссылки [8; 9]. Методические аспекты преподавания истории в школах Российской империи, в первую очередь на уровне теоретических разработок, проанализированы в исследованиях М.Т. Студеникина [10; 11]. Таким образом, в историографии достаточно полно изучены отдельные аспекты народной памяти, книжной культуры, школьного исторического образования и детского чтения, однако сами механизмы формирования исторических представлений у детей в городской среде Сибири первой половины XIX в. не становились предметом специального комплексного анализа. Указанный пробел определяет научную значимость настоящей работы.

Цель статьи – проанализировать особенности формирования исторических представлений у детей в городах Сибири первой половины XIX в. в рамках семейно-бытовых, образовательных и книжных практик. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявить основные каналы передачи исторических представлений детям; охарактеризовать роль семейных преданий и локальной памяти; проанализировать возможности школьного и домашнего образования в формировании исторических знаний; определить значение детского чтения и периодики в усвоении образов прошлого.

Методы

Методологическую основу исследования составляют историко-антропологический и социокультурный подходы, позволяющие рассматривать формирование исторических представлений у детей как часть процесса социализации и как важный элемент усвоения коллективных образов прошлого в городской среде. Историко-антропологический подход дает возможность выявить специфику детского восприятия прошлого, проследить роль возраста, семейного опыта, образовательной среды и круга чтения в усвоении исторических образов. Социокультурный подход позволяет интерпретировать исторические представления не как сумму разрозненных знаний, а как результат взаимодействия семейно-бытовых, школьных, домашних и книжных практик, функционировавших в конкретных условиях сибирского города первой половины XIX в. При этом важно различать исторические представления как усваиваемые ребенком конкретные образы прошлого, историческую память как более широкий комплекс коллективных представлений о прошлом и историческое сознание как форму их осмысления на уровне личности и сообщества.

В исследовании применяются принципы историзма и системного анализа, сравнительно-исторический метод – для сопоставления семейно-бытовых, школьных, домашне-образовательных и книжных каналов формирования представлений о прошлом, историко-генетический метод – для выявления динамики перехода от преобладания традиционных форм передачи памяти к усилению роли учебного исторического знания, а также элементы дискурсивного анализа, позволяющие рассматривать учебную литературу и детскую периодику как инструменты трансляции нормативных моделей исторических представлений. Использование этих методов

дает возможность проследить, каким образом в сознании детей соединялись эмоционально насыщенные семейные и локальные образы прошлого с более системными сведениями, усваиваемыми в процессе обучения и чтения.

Источниковая база

Источниковую базу исследования составили источники личного происхождения, детская периодика и учебная литература по истории. Наиболее информативной группой источников являются мемуарные тексты, содержащие воспоминания о детстве, поскольку они позволяют реконструировать бытовые каналы передачи исторической информации, эмоциональное восприятие прошлого и особенности усвоения исторических знаний в семейной и образовательной среде [12–19]. Эти материалы позволяют охарактеризовать как основные бытовые каналы передачи исторической информации, так и особенности формирования представлений о прошлом в контексте освоения образовательных программ. В источниках личного происхождения нашли отражение оценочные суждения и эмоциональные реакции, позволяющие определить отношение детей к каналам получения исторической информации и к самим усваиваемым сведениям, что имеет особую ценность, поскольку при проведении сопоставлений позволяет выявлять общее и различное в педагогической теории и практике ее реализации в провинциальном социокультурном пространстве.

Для характеристики официального взгляда на необходимую для преподавания детям форму исторических представлений используются периодические издания, выходившие в столице в изучаемый период. Некоторые из таких журналов выписывались состоятельными сибиряками для своих детей. Небольшая группа выпусков двух изданий такого типа («Звездочка» для детского чтения и «Журнал для воспитания» [напр. 20; 21]) за 1850-е гг. сохранилась в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. Предположительно, журналы попали в собрание из частных коллекций, установить которые не удалось.

Учебная литература по истории включает в себя издания по всеобщей истории (учебники С.Н. Смараглова [22], И.М. Шрека [23], И.К. Кайданова [24]). Такие источники позволяют охарактеризовать теоретическую базу исторических знаний, которая предлагалась детям, получавшим образование в училищах или гимназиях. Вместе с тем исследование имеет ограничения, связанные с неравномерной сохранностью источников, преобладанием свидетельств образованной части городского населения и невозможностью в равной мере проследить опыт всех социальных групп детского населения Сибири.

Результаты и их обсуждение

Первичные исторические представления дети, безусловно, получали в семье. Одной из наиболее распространенных форм исторического сознания С.Р. Хмырова [1, с. 83, 85] называет эпическую, которая часто выражалась в виде преданий. Начиная с середины XVIII в. для сибиряков все большее значение приобретали события локальной истории [1, с. 148], причем в летописных источниках этого периода внимание могло уделяться даже прошлому отдельной семьи [1, с. 156]. Эта тенденция сохранялась и позднее: в части источников личного происхождения повествование начинается с так называемых «семейных преданий» или генеалогических сведений [1, с. 45]. Авторы с разной степенью полноты передают сведения о предках, нередко включая их в контекст истории населенных пунктов, что способствовало постепенному знакомству детей с прошлым родного места. Одно из наиболее подробных семейных преданий представлено в «Отрывках из воспоминаний сибирского казака» С.И. Черепанова [17] – сибирского писателя, сообщавшего об истории своей родословной, в которой встречались крестьяне, казаки и купцы Восточной Сибири. Другое предание, представленное в менее подробной

форме, но в отдельных фрагментах уходящее в прошлое вплоть до второй половины XVII столетия, содержится в воспоминаниях М.М. Сязова [18, с. 371–372].

Разумеется, все подробности, представленные в пересказах семейных преданий, не могли быть в полной мере осознаны и запомнены авторами в детстве, однако можно предположить, что именно раннее знакомство с ними через рассказы старших родственников хотя бы в общих чертах могло стать прочной основой для углубления и уточнения знаний об истории собственного рода во взрослом возрасте. Так, например, В.И. Вагин, назвавший первый раздел своих воспоминаний «Моя родословная. – Первое детство», отмечал, что источником его представлений о прошлом собственной семьи стали преимущественно рассказы матери, которые впоследствии были дополнены данными «некоторых документов» [12, с. 14]. Хотя предание в данном случае уходит в прошлое только на два поколения, через призму семейной истории в нем раскрываются и отдельные события региональной истории, например, проезд М.М. Сперанского через сибирские города в рамках инспекции [12, с. 15].

Г.Н. Потанин приводит пример преданий, рассказанных бабушкой, которая провела детство и молодость в г. Островке Курганского уезда Тобольской губернии. Одно из них было связано с восстанием Е.И. Пугачева: «весь этот край был напуган слухами, что с запада, из Оренбургской губернии, идет на Курган со своей ордой Пугач. Деревни и казачьи селения волновались и с ужасом ожидали прихода мятежников» [25, с. 35]. Подобные рассказы показывают, что через семейные предания дети могли приобщаться не только к локальной и региональной, но и к общеимперской истории, пусть и в отрывочной форме.

Знакомство детей с наиболее значимыми событиями региональной истории могло происходить и в рамках праздничных мероприятий. Например, в письмах М.Д. Менделеевой [14, с. 44–45], матери известного ученого, упоминается поход с детьми на открытие памятника Ермаку в Тобольске в 1839 г.; подробности мероприятия при этом не приведены. Фигура Ермака в культурной традиции сибиряков XIX в. была неоднозначной: крайняя популярность этого персонажа в лубочных картинках и исторических преданиях [1, с. 62–63] сочеталась с тем, что в историческом сознании русских сибиряков он воспринимался «в общем ряду с другими народными вожаками-атаманами» [1, с. 148–149]. Отмечается, что в народной культуре Ермак распространялся скорее как образ мифологического персонажа [1, с. 154], «выразителя народных устремлений к воле», что, вероятно, и обуславливало его популярность [26, с. 16].

Дети, обладавшие необходимым уровнем грамотности, могли получать бытовые представления об истории не только через устную традицию или народную культуру, но и из художественной литературы, которая в изучаемый период начала вызывать глубокий интерес у подрастающего поколения [3, с. 53]. Так, например, В.И. Вагин отмечает возникновение «особого влечения к рыцарским временам» после прочтения «Поэмы последнего барда» В. Скотта [12, с. 27]. Отмечается, что в этот период романы данного автора, которому «удалось органично слить художественную интуицию и научную документальность» [2, с. 7], получили широкое распространение в России, поскольку ценились за передачу исторического прошлого в доступной и увлекательной форме [2, с. 6]. Иногда образы из книг приобретали также визуальную форму. Н.М. Ядринцев [19, с. 69], восторженно вспоминая о библиотеке отца в пору собственного детства, отмечает, что по иллюстрациям в книгах знакомился со многими деятелями, а историческим персонажем, особенно увлекавшим его в детстве, называет А.В. Суворова. Тем самым бытовые представления об истории формировались и через художественные, и через визуальные образы, нередко окрашенные романтизацией.

Таким образом, приобретение детским населением городов Сибири первой половины XIX в. вненаучных исторических представлений происходило стихийно, а ключевым каналом передачи информации становилось общение со старшими родственниками. Содержание представлений об историческом прошлом, которые бытовали среди сибирского населения и передавались детям, подробно выявлено и проанализировано в труде С.Р. Хмыровой. В качестве наиболее актуальных тем, вызывающих интерес в народной среде, указаны события военной истории России, акты социального и религиозного протеста, а также сюжеты, связанные с

вхождением Сибири в состав России. Среди основных характеристик подобных представлений автор называет сохранение их аксиологического значения для носителей, мифологизм и стереотипность, а также отмечает фрагментарность, характерную для исторического сознания всех групп населения региона, за исключением старообрядцев [1, с. 171–172].

Если в семейно-бытовой среде исторические представления складывались стихийно и передавались преимущественно в устной форме, то развитие школьного и домашнего образования в первой половине XIX в. создало условия для целенаправленного формирования у детей более системных знаний о прошлом. Именно в этот период в сибирских городах начинают сосуществовать две модели исторической социализации – традиционная и учебная. Их сосуществование не означало простой смены одной модели другой: напротив, в реальной практике они взаимодействовали и накладывались друг на друга, формируя сложную и неоднородную картину детского восприятия прошлого.

В начале XIX в. в связи с развитием в Сибири школьного образования, в том числе светского, в детской среде постепенно формировались и научные представления об истории. Они складывались целенаправленно, в ходе обучения. Как уже отмечалось, в рассматриваемый период заметен значительный рост интереса к истории, произошедший на фоне подъема национального самосознания и тесно связанный с обращением к идеям народности [2, с. 5]. На этот же период приходится и небывалый рост интереса «к детскому миру», который начал назреть на рубеже XVIII–XIX вв. «в русской образованной среде» [27, с. 100]. Одним из ключевых проявлений этого интереса стал рост внимания к образованию и воспитанию детей, чему теперь «придавалось значение основного средства в переустройстве общества “на разумных началах”» [28, с. 146]. В Сибири эти тенденции развивались синхронно с общероссийскими. Центрами школьного образования в регионе стали Тобольск, Барнаул, Омск, Томск, Иркутск и Нерчинск, позднее к ним добавился Красноярск [6, с. 105]. В городах Западной Сибири в 1801 г. функционировало 7 учебных заведений, а к 1851 г. – 23 («2 гимназии, 11 уездных и 10 приходских училищ») [29, с. 70]. В восточносибирских городах к середине столетия существовало 10 «министерских казенных учебных заведений» [30, с. 65]. Ведомственные школы, не претерпев существенных изменений в результате образовательных реформ [6, с. 87], продолжали работать – в Сибири это были школы духовного ведомства, горного ведомства [29, с. 70], а также школы на винокуренных заводах [6, с. 89–91]. Важную роль играло также частное образование – индивидуальное или групповое обучение у частных учителей, в пансионах, сохранявшее значение даже в крупных городах [29, с. 71–72]. Однако расширение образовательной сети само по себе еще не означало формирования целостного исторического знания: решающее значение имели содержание курсов, методы преподавания, доступность учебных пособий и уровень подготовки учителей.

Становление методики преподавания истории как теоретической дисциплины пришлось на вторую половину XIX в., однако на практике различные приемы и средства обучения применялись и обсуждались уже ранее. История в это время воспринималась прежде всего «как средство умственного и нравственного развития учащихся» [10, с. 15]. М.Ю. Хохлова, анализируя особенности преподавания истории в женских учебных заведениях, отмечает, что в силу приоритета воспитательного значения истории над образовательным «содержание учебного материала было сосредоточено на тех событиях и исторических личностях, изучение которых несло в себе патриотическое воспитательное значение» [7, с. 177]. Это наблюдение правомерно распространить и на большинство других учебных заведений. Следовательно, школьное историческое образование в рассматриваемый период выполняло не столько задачу формирования критически осмысленной картины прошлого, сколько нравственно-воспитательную и идеологическую функцию.

Наиболее показательный материал для характеристики школьного исторического образования дают сведения о Тобольской губернской гимназии (до 1810 г. – Тобольском главном народном училище). Изучение истории происходило здесь в рамках двух курсов: отечественной и всеобщей истории. До 1804 г. в четырехклассном училище всеобщая история изучалась в III и IV классах, а «История Российская» преподавалась только в IV классе [31, с. 6–7]. Сведения о

практической реализации этих установок сохранились в минимальных объемах, однако уже зафиксированная «программа открытого испытания, произведенного в конце 1792 года», показывает, что учебные программы реализовывались неполно: по всеобщей истории от учеников III класса требовалось знание «введения в карфагенскую историю», для IV класса значилась только «Пруссия», а из истории России – «1 и 2 периоды» [8, с. 29–30]. Отмечается, что в III классе приходилось сокращать курс всемирной истории, а в IV классе «курс ... наук, <...> не обнимая ни одного предмета в целом, ограничивался отрывочными сведениями» [4, с. 31]. Позднее ошибочность подобного подхода уже была признана: при введении «элементарных курсов» истории осознавалась необходимость преподнесения законченной системы знаний, пусть и не отличавшихся глубиной [10, с. 63]. Вместе с тем и применительно к середине 1810-х гг. С.Н. Замахаев и Г.А. Цветаев заключают, что в это время в гимназии «пройденное <...> и задаваемое измерялось страницами и параграфами, а не содержанием» [4, с. 72]. Отмечается также, что учебному плану Устава 1804 г. были присущи «поверхностная энциклопедичность» и «отсутствие четких принципов отбора содержания» учебного материала [14, с. 101], а традиция заучивания сохранялась, что подтверждает и высказывание министра народного просвещения А.К. Разумовского: «вместо развития рассудка постепенным ходом, притупляют оный, заставляя выучивать наизусть от слова до слова то, из чего ученик должен удерживать одну только мысль» [11, с. 131].

Со временем положение преподавания улучшалось. В 1836 г. Тобольская гимназия была преобразована в соответствии с Уставом 1828 г. в семиклассную [4, с. 77]; вместо двух лет на изучение истории выделялось пять, а курс завершался обзорением современности в заключительном классе [4, с. 92–93]. Позитивные новшества включали и изменение подхода к преподаванию в целом: для учителей вводилось обязательное создание конспектов к урокам, предполагалось обсуждение целей и методов обучения на советах [4, с. 95]. Однако даже эти изменения не устраняли всех трудностей. В некоторых элементарных училищах история не изучалась вплоть до конца XIX в. [10, с. 27]. Так, в Омском Войсковом казачьем училище она первоначально отсутствовала [5, с. 12], а введена была лишь в 1821 г. после приглашения студента Казанского университета Лукина [5, с. 17], что указывает на хроническую нехватку кадров в регионе.

Интересно, что как в Тобольской гимназии, так и в Войсковом училище Омска изучение истории начиналось именно с курса всеобщей истории. Отмечается, что в более поздних методических дискуссиях XIX в., исходя из общего взгляда на цели преподавания истории в школе, распространенным было мнение о том, что приоритет должен отдаваться курсу истории России. Считалось, что она имеет большее воспитательное значение, является более прикладной, а также более понятной для детей, нежели история всеобщая [10, с. 26–27]. Проводились эксперименты по объединению всеобщей и отечественной истории в один курс, однако результатов они не давали – педагоги пришли к выводу о необходимости введения двух самостоятельных, но взаимодополняемых курсов. Тем не менее предполагалось все же преобладание истории отечественной, иногда именно с нее изучение истории и начиналось. Можно предположить, что в центральных регионах наблюдалась именно такая картина. Так, например, профессор Царскосельского лицея И.К. Кайданов в учебнике 1821 г. отмечает: «Российская История, как отечественная, преподается в наших учебных заведениях особенно и пространно» [24, с. 11]. В тех же сибирских школах, материалы которых удалось рассмотреть, всемирная история имела преимущество, как минимум, по количеству отводимых на ее изучение часов. Также, судя по программе экзаменов в Тобольском народном училище, приведенной выше, можно предположить, что отечественная история, как и всемирная, изучалась не полностью.

Понять специфику преподавания позволяют и сведения об учебниках. В рассматриваемый период в сибирских учебных заведениях использовались, в частности, пособия И.К. Кайданова [4, с. 74, 92; 5, с. 41], чьи труды выделяются как целый «этап в становлении учебника» [11, с. 127]. Учебник И.К. Кайданова создавался в духе времени: во вводной части подчеркивалась нравственная составляющая истории, которая называлась «светильником жизни, зеркалом добродетели».

телей, училищем мудрости и нравственного нашего усовершенствования» [24, с. 1]. Однако отношение к нему было неоднозначным. Современный исследователь М.Т. Студеникин отмечает его доступный язык [11, с. 128], тогда как представители Училищного комитета при Петербургском университете и сибирские учителя считали его сложным для учащихся [4, с. 80, 99]. И.П. Помаскин, например, предлагал заменить его учебником И.М. Шрека, акцентированным на аналитической составляющей [4, с. 99]. Сам М.Т. Студеникин подчеркивает перенасыщенность учебника И.К. Кайданова «мелкими подробностями и хронологическими датами» [11, с. 128]. В «Древней и новой всеобщей истории» И.М. Шрека [23] материал действительно подавался иначе: вводились некоторые понятия об истории как науке, предлагалось не только запоминать хронологию событий, но и выделять причинно-следственные связи, проводить аналогии.

Показателен и пример с историческими картами. И.П. Помаскин в 1836 г. просил руководство гимназии обеспечить его и учеников комплектом карт [4, с. 99–100], поскольку «даже лучшие учебники издавались без исторических карт и иллюстраций» [11, с. 128]. Однако через 50 лет после открытия училища в Тобольске комплекта карт у учителя истории все еще не было, хотя использование исторических карт в учебном процессе рекомендовалось с конца XVIII в. [10, с. 217–218]. Это позволяет связать региональные трудности преподавания истории не только с качеством учебных пособий, но и с ограниченным финансированием и трудностями распространения изданий по отдаленным территориям империи.

Недовольство учителей вызывали не только учебники, но и само построение курсов. При обсуждении проекта устава общеобразовательных учебных заведений в 1862 г. преподаватели из Томска отмечали, что курс истории проходил «в форме биографических очерков». Подобный способ обучения, восходивший к «карамзинской традиции» [11, с. 125], постепенно подвергался критике как не соответствующий уровню развития исторической науки: подчеркивалось, что полноценное изучение истории невозможно через одни только биографии, необходимо изучать народы и их культуру [9, с. 97–98]. На этом фоне показателен пример И.О. Катаева, учителя Иркутской гимназии, стремившегося вывести на первый план вопросы народной культуры и быта, уменьшив насыщенность курса фактами политической и военной истории [8, с. 95; 9, с. 98]. Хотя его курс, найденный в рукописной версии 1862 г. [33], оставался во многом традиционным, положительные отзывы учеников показывают, что и в Сибири существовали попытки сделать историческое преподавание более живым и содержательным [13, с. 460].

Чаще всего, однако, учителя ограничивались кратким объяснением материала и оставляли основную часть на самостоятельное изучение. В.Н. Виноградский вспоминает учителя истории Томской гимназии Игнатьева, который давал ученикам «краткое, но ясное объяснение», содержащее «только общий смысл какого-нибудь исторического события» [13, с. 451]. По наблюдению М.Т. Студеникина, подобное «краткое комментирование учителем текста, задаваемого на дом» было в этот период преобладающим приемом преподавания истории [11, с. 135]. В сочетании с объемными и перегруженными учебниками, в том числе пособиями С.Н. Смаградова [5, с. 41; 14, с. 129], это делало усвоение материала крайне затруднительным. Тем самым даже при росте системности школьного обучения исторический материал оставался трудным для освоения, а значительная часть педагогов не добивалась от учеников действительно качественной подготовки.

Таким образом, даже по мере расширения школьной сети и увеличения часов на преподавание истории формирование научных исторических представлений у детей затруднялось рядом факторов: неполнотой курсов, механическим заучиванием, перегруженностью учебников фактами и хронологией, нехваткой наглядных пособий и учителей. Все это ограничивало возможности превращения школьного исторического знания в действительно целостную систему представлений о прошлом. Учебники истории в Российской империи выполняли при этом не только образовательную, но и отчетливо выраженную воспитательно-идеологическую функцию: через исторический материал учащимся транслировались представления о религии, верховной власти и законе как базовых ценностях общественного порядка [11, с. 124]. Следова-

тельно, школьное историческое образование, несмотря на институциональное развитие, в рассматриваемый период лишь частично обеспечивало формирование системных представлений о прошлом.

Наряду со школьным обучением важную роль в формировании исторических представлений у детей играло обучение на дому, весьма распространенное в Сибири первой половины XIX в. [2, с. 159–162]. Домашнее образование развивалось в русле тех же тенденций, что и школьное: использовались сходные учебные тексты и методы, прежде всего заучивание материала, однако сама практика обучения отличалась большей вариативностью и зависела от культурного уровня семьи, круга чтения и личности учителя.

Учителя, то есть образованные люди, работавшие и в образовательных учреждениях, при домашнем обучении использовали те же методы, что были распространены и в школе. Так, М.К. Рейхель вспоминает об опыте домашнего обучения у собственного брата, который являлся учителем в мужской школе: «русскую историю он задавал мне по несколько страниц <...> учить наизусть» [16, с. 6]. Фактически использовалось характерное для тогдашних школ и гимназий зазубривание материала.

В.И. Вагин в Петропавловске учился у ссыльного поляка Л.О. Вронского. Судя по воспоминаниям будущего общественного деятеля, его учитель располагал библиотекой, в которой находились и книги для обучения детей. Так, В.И. Вагин [12, с. 22–23] вспоминает о чтении азбуки «Драгоценный подарок детям». Книга носила энциклопедический характер: помимо русской азбуки и руководства для обучения чтению, в нее были включены основы ряда других дисциплин. В частности, в ней содержалось и «краткое изображение Российской истории» [34, с. 131], предварявшееся цветными изображениями некоторых правителей. Обращаясь к чтению этого сочинения, автор особо выделяет свой интерес к историческим рассказам [12, с. 23]. Таким образом, представления сибирских детей о прошлом могли формироваться и под влиянием подобных московских изданий. Обзор отечественной истории в книге был действительно очень кратким, занимая немногим более восьми страниц. Такой формат, по-видимому, способствовал формированию у детей первичных представлений о прошлом и одновременно поддерживал интерес к чтению. Положительно можно оценить и наличие цветных изображений: помимо российских правителей, в таком виде были представлены Семь чудес света [34, с. 156].

Пример обучения дома у грамотных родственников представляет Н.И. Наумов [15, с. 177–178]. До поступления в Томскую гимназию он научился читать дома – у матери. «Пристрастившийся к чтению» ребенок читал те книги, которые удавалось достать в условиях их нехватки. Автор отмечает свою искреннюю радость по поводу получения «Истории России» Н.М. Карамзина. Ознакомившись с историческими изданиями самостоятельно, дети могли делиться своими знаниями со сверстниками – Н.И. Наумов вспоминает, как в школе увлекал товарищей пересказами сюжетов «из прочитанного <...> романа или истории» [15, с. 178]. Таким образом, некоторые усвоенные исторические представления могли распространяться среди детей. Большой интерес к «Истории» Н.М. Карамзина отмечает и В.И. Вагин [12, с. 63], который, однако, прочитал ее в значительно более взрослом возрасте, уже обучаясь в уездном училище Иркутска.

Некоторые издания, в том числе и исторические, уже в первой половине XIX в. были адаптированы для детей. М.К. Рейхель отмечает [16, с. 10], что среди имевшихся в их доме в Тобольске книг было сочинение Плутарха. А.И. Куприянов предполагает [3, с. 45], что автор упоминала такое издание, как «Плутарх для юношества или жития славных мужей всех народов от древнейших времен донныне», вышедшее в Москве в 1823 г. и содержавшее 246 портретов. Именно такие «переложенные» издания в изучаемый период рассматривались как детские книги. Предполагается, что такие книги облегчали приобретение детьми исторических знаний, будучи представлены в упрощенной форме, в отличие от ряда учебников, которые, как отмечалось выше, отличались значительным объемом и перенасыщенностью фактическим материалом.

Грамотные дети или дети из грамотных семей, которых также предполагалось обучать в перспективе, могли получать знания об истории не только из переложенных книг, но и из дет-

ских журналов. В первой половине XIX в. некоторые столичные издания можно было встретить и в Сибири. Так, Г.Н. Потанин [25, с. 31], какое-то время проживавший в семье полковника Эллизена в Пресновске, вспоминал, что жена военного выписывала для своих детей ежемесячный журнал «Звездочка», издаваемый А.О. Ишимовой. Издание решало воспитательные и образовательные задачи, включая в себя рассказы, содержащие либо представленные в упрощенном виде научные знания, либо нравственные поучения. Нередко встречались и исторические тексты, поскольку сама А.О. Ишимова являлась автором неоднократно издававшейся «Истории России в рассказах для детей». Отмечается, что через публикации журнала красной нитью проходили идеи «уваровской триады» [35, с. 35–36], что вполне объяснимо. Независимо от идеологической составляющей, «научная» сторона публикаций оценивается положительно [35, с. 39]. Следовательно, детская периодика выступала не только средством чтения и досуга, но и самостоятельным каналом исторической социализации, прежде всего в среде зажиточных и образованных семей, имевших доступ к столичным изданиям.

Помимо самих статей образовательной направленности, «Звездочка» включала разделы с обзором вновь вышедшей детской литературы. Безусловно, большинство из упоминаемых книг публиковалось в столицах, однако родители, которые выписывали для своих детей подобные журналы, могли выписывать и рекомендуемые в них книги, если считали это нужным. Так, в XII номере «Звездочки» за 1856 г. рекламируются, например, «Бабушкины уроки, или Русская История в разговорах для детей. С картинками раскрашенными», а также упомянутое выше сочинение самой А.О. Ишимовой [20, с. 200]. Подобные объявления размещались и в «Журнале для воспитания» [21, с. 571], выпуски которого также удалось обнаружить в Томске. Так, к середине столетия возможности для формирования исторических, как и иных, знаний у детей в зажиточных семьях расширились за счет увеличения количества специализированных изданий для детей.

Выводы и заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что исторические представления детей в городах Сибири в 1802–1864 гг. формировались в рамках нескольких взаимосвязанных каналов – семейно-бытового, школьного, домашне-образовательного и книжного. Установлено, что в рассматриваемый период семейная и локальная традиция обеспечивали передачу эмоционально значимых, но фрагментарных и нередко мифологизированных образов прошлого, связанных прежде всего с историей рода, города и региона.

Развитие системы образования и расширение круга детского чтения создавали условия для распространения более системных исторических знаний. Однако в первой половине XIX в. этот процесс оставался ограниченным: школьные курсы нередко проходились неполно, усвоение материала строилось преимущественно на заучивании, учебники были перегружены фактами и идеологическими установками, а в провинциальной среде ощущалась нехватка учителей и учебных пособий. Тем самым новые учебно-книжные формы исторической социализации не заменяли традиционные механизмы передачи представлений о прошлом, а наслаивались на них, создавая сложную и внутренне неоднородную систему детского восприятия истории.

В результате исторические представления детей в сибирском городе складывались как сочетание традиционной памяти, локальных символических образов и элементов учебного исторического знания. Именно это соединение бытовых и образовательных моделей усвоения прошлого создавало основу для последующего формирования региональной и социальной самоидентификации образованной части сибирского общества. Научная новизна исследования состоит не только в постановке самой проблемы, но и в реконструкции конкретных каналов формирования исторических представлений у детей в городской среде Сибири первой половины XIX в., а также в выявлении характера их взаимодействия.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов при изучении истории детства, городской культуры Сибири, школьного исторического образования и механизмов социальной памяти в Российской империи. Ограничения исследования связаны с характером источниковой базы, неравномерной представленностью отдельных городов и преобладанием свидетельств образованной городской среды. Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении круга источников, привлечении архивных материалов учебных заведений и сравнительном анализе формирования исторических представлений у детей в различных регионах Российской империи. Тем самым показано, что формирование исторических представлений у детей выступало важным элементом социокультурной трансформации сибирского городского общества в рассматриваемый период.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках реализации Программы развития университета на 2021–2030 гг. в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», проект «Социализация детей в городах Сибири в эпоху реформ и модернизационных сдвигов XIX – начала XX вв.: воспитание и образование в контексте социальных катаклизмов».

Funding

The study was carried out as part of the implementation of the University Development Program for 2021–2030 within the framework of the strategic academic leadership program “Priority 2030”, project “The Socialization of Children in Siberian Cities in the Era of Reforms and Modernization Shifts in the 19th and Early 20th Centuries: Upbringing and Education in the Context of Social Cataclysms”.

Библиография

1. Хмырова, С.Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII конце XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук / С.Р. Хмырова. Барнаул, 2006. 211 с.
2. Коровин, В.И. Заветные преданья / В.И. Коровин // Русская историческая повесть первой половины XIX века. Москва: Современная Россия, 1989. С. 5–18.
3. Куприянов, А.И. О круге чтения детей и юношества в городах Сибири в первой половине XIX в. / А.И. Куприянов // Русская книга в дореволюционной Сибири: книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 43–56.
4. Замахаев, С.Н. Историческая записка о Тобольской гимназии. 1789–1889 год / С.Н. Замахаев, Г.А. Цветаев. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления, 1889. 322 с.
5. Краткий исторический очерк Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. Москва: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1915. 448 с.
6. Быконя, Г.Ф. Избранные труды. Т. 8: История народного образования в Центральной Сибири. XVII середина XIX века / Г.Ф. Быконя. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. 280 с.
7. Хохлова, М.Ю. Развитие исторического образования в контексте становления системы дворянских женских учебных заведений XIX начала XX вв. / М.Ю. Хохлова // Наука и школа. 2014. № 1. С. 176–182.
8. Дулов, А.В. Петрашевцы в Сибири / А.В. Дулов. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1996. 300 с.
9. Кубалов, Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862) / Б.Г. Кубалов. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1958. 160 с.

10. Студеникин, М.Т. Методика преподавания истории в русской школе XIX начала XX в. / М.Т. Студеникин. Москва: Прометей, 2016. 236 с.
11. Студеникин, М.Т. Становление и развитие школьного исторического образования в России XVI начала XX вв. / М.Т. Студеникин. Москва: МПГУ, 2011. 226 с.
12. Вагин, В.И. Мои воспоминания / В.И. Вагин // Мемуары сибиряков, XIX век: научное издание. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С. 14–87.
13. Виноградский, В.Н. Записки / В.Н. Виноградский // Русская старина. 1916. Т. 167. № 9. С. 441–474.
14. Капустина-Губкина, Н.Я. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д.И. Менделеева / Н.Я. Капустина-Губкина. Санкт-Петербург: Типография М. Фроловой, 1908. 239 с.
15. Наумов, Н.И. Автобиография / Н.И. Наумов // Сибирский сборник. 1963. № 9. С. 177–180.
16. Отрывки из воспоминаний М.К. Рейхель и письма к ней А.И. Герцена // Материалы для биографии А.И. Герцена. Москва: Типография А. Петцман, 1909. Вып. 1. 128 с.
17. Отрывки из воспоминаний С.И. Черепанова, напечатанные в «Древней и новой России» 1876 г. Казань: Типография А.И. Липимайер, 1879. 82 с.
18. Сиязов, М.М. Из автобиографии сибирского натуралиста (Часть 1-я. Предки, детство и юность автора) / М.М. Сиязов // Сибирский архив. 1915. № 7/9. С. 375–381.
19. Ядринцев, Н.М. Детство / Н.М. Ядринцев // Сибирский сборник на 1895 год. Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1895. Вып. 3. С. 64–78.
20. Звездочка. 1856.
21. Журнал для воспитания. 1857.
22. Смарагдов, С.Н. Руководство к познанию средней истории для средних учебных заведений / С.Н. Смарагдов. Санкт-Петербург: У издателя, книгопродавца Ю.А. Юнгмейстера, 1841. 340 с.
23. Шрек, И.М. Древняя и новая всеобщая история Шрека, дополненная кратким повествованием о последних событиях нашего времени: в 3 ч. Ч. 1 / И.М. Шрек. Санкт-Петербург: Типография А. Смирдина, 1836. 142 с.
24. Кайданов, И.К. Руководство к познанию всеобщей политической истории. Ч. 1. Древняя история / И.К. Кайданов. Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча, 1821. 281 с.
25. Литературное наследство Сибири. Т. 6: Г.Н. Потанин. Воспоминания. Новосибирск: Запдно-Сибирское книжное издательство, 1983. 336 с.
26. Легенды. Предания. Бывальщины. Москва: Современник, 1989. 287 с.
27. Белова, А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII середины XIX в. / А.В. Белова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. 480 с.
28. Краснобаев, Б.И. Русская культура второй половины XVII начала XIX в. / Б.И. Краснобаев. Москва: Издательство Московского университета, 1983. 224 с.
29. Куприянов, А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А.И. Куприянов. Москва: АИРО–XX, 1995. 160 с.
30. Мамкина, И.Н. Становление и развитие государственного образования в Восточной Сибири в первой половине XIX в. / И.Н. Мамкина // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29. № 2. С. 60–67.
31. Янкович де Мириево, Ф.И. Устав народным училищам в Российской империи: уложенный в царствование императрицы Екатерины II / Ф.И. Янкович де Мириево. Санкт-Петербург: Типография Брейткопфа, 1786. 122 с.
32. Лаптева, М.Ю. Становление Тобольской классической гимназии в первое десятилетие XIX века / М.Ю. Лаптева, А.А. Валитов, Д.Ю. Федотова // Научный диалог. 2021. № 9. С. 385–399.
33. Катаев, И.О. Краткий обзор событий русской истории: курс 3 класса Иркутской гимназии / И.О. Катаев. Иркутск: Литография Синицына, 1862. 356 с.

34. Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука, содержащая в себе все нужные и полезные познания для детей и других некоторого возраста и звания людей. Москва: В типографии Н.С. Всеволожского, 1818. 190 с.

35. Махова, К.А. Журнал «Звездочка» А.О. Ишимовой / К.А. Махова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 12 (113). С. 34–43.

Поступила в редакцию: 11.04.26

Принята к публикации: 20.05.26